

№

АНТРАКТЪ.

30.

Антрактъ выходитъ ежедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; въ три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя являши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Пя. Смирнова), на Янкоуской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Сцены изъ ненапечатанной комедіи «Дупель», Н. А. Чаева. — Реклама и ея послѣдствія, статья Эмиль Горлакеръ. — Смѣсь. (Новая опера. Провинціальныя театры въ Польшѣ. Неудача Женни Липль. Убіиство Сулье).

СЦЕНЫ ИЗЪ НЕНАПЕЧАТАННОЙ КОМЕДИИ

«ДУПЕЛЬ».

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Князь Крутойаровъ.
Княгиня, жена его.
Николай Ильичъ Пращуровъ, ея племянникъ.
Никита Савельичъ Ставровъ, бывший откупщикъ, сосѣдъ князя.
Вюрцманъ, завѣдывающій дѣламъ князя.
Иваншинъ, } писатели, сосѣди князя.
Z. Z., }
Писарь, Старикъ, Осипъ, Иванъ и другіе крестьяне князя

Садъ у князя въ помѣстьѣ. На лѣво терраса.

I.

Старикъ, Осипъ, писарь и толпа крестьянъ (стоятъ съ стороны), Вюрцманъ, Ставровъ, князь (съ старой).

Вюрцманъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ продавалъ пшѣнья. Въ настоящее время важны деньги. Теперь съ деньгами можно дѣлать удивительные обороты... какъ никогда.

Ставровъ. Какіе же однако? Вотъ съ заводами, согласенъ, придется просто раззориться скоро... Но что же предпринять съ капиталомъ?

Вюрцманъ. Да мало-ли что? Капиталь я вамъ беру теперь удвоить въ два, три года.

Ставровъ. Не знаю.

Князь. Mais sans doute... Эге... Дайте-ка мнѣ капиталъ. Вы увидите... Вѣдь съ этимъ пшѣньямъ мы связаны по рукамъ и по ногамъ... Nous sommes liés... Связаны...

Ставровъ. Въ три года трудно... Развѣ за границей?

Вюрцманъ. Нѣтъ... Именно здѣсь, въ Россіи.

Князь. (Увидя крестьянъ). Diabre... C'est ennuyeux, однакожъ... Княгиня вѣчно выдумаетъ чтонибудь такое. Выдумала какія-то бесѣды съ крестьянами съ цѣлю развивать народъ.

Старикъ. Здравствуйте, ваше сіятельство.

Князь. Здравствуйте... Надѣвайте шляпы... Ну, что вы? Собрались?

Старикъ. Собрались, ваше сіятельство.

Князь. Хорошо... Ну, подождите... Княгиня сейчасъ къ вамъ выдетъ.

II.

Тѣ же, княгиня, Иваншинъ, Z. Z.

Княгиня. Ah! Les voilà... Et bien! Оù est M-г Иваншинъ? Ah, vous êtes ici. Здравствуйте, друзья мои. (Крестьяне кланяются). Mais pourquoi ils ôtent les chapeaux?. Пожадуйста... Надѣньте ваши шляпы... Вотъ такъ... Безъ церемоній... Благодарю васъ, что вы собрались... Мы будемъ иногда по праздникамъ, въ свободное время, сходиться, чтобы... бесѣдовать вмѣстѣ.. Я надѣюсь, вы мнѣ въ этомъ не откажете? Да?

Старикъ. Много довольны, ваше сіятельство.

Княгиня. Сядемте... Садитесь... (Садятся всѣ, кромѣ Иваншина).

Старикъ. Ничего... Мы стоимъ, ваше сіятельство.

Ставровъ. Садитесь, коли велеть... Садитесь... (Крестьяне садятся на лавки).

Княгиня. Voilà une physionomie bien remarquable... N'est ce pas? Какъ ваше имя?

Старикъ. Что, матушка?

Князь. Какъ тебя зовутъ, княгиня спрашиваетъ.

Старикъ. О! Мевя-то? Плохо слышу я... Евстафьемъ. матушка ваше сіятельство... Евстафьемъ.

Княгиня. (Писарю). А васъ?

Писарь. Владимиромъ, ваше сіятельство. Я въ конторѣ вашего сіятельства третій годъ писаремъ нахожусь; осмѣлываюсь доложить: по здѣшнимъ мѣстамъ народъ у насъ необразованный, ваше сіятельство; обращенія не помѣтъ никакого, какъ oprичь сохи, али бороны. Грамотѣ не умѣютъ. Грамотность бы слѣдовало; такъ какъ по нынѣшнему положенію, безъ образованія, ваше сіятельство, ходу нельзя возимѣть, я такъ полагаю и могу сказать, пропадать молодому челоуѣку надо, потому, — когда челоуѣкъ грамотный, ваше сіятельство, занятіе умственное наблюдаетъ, а безъ грамоты все равно...

Князь. Молчи.

Княгиня. Laissez lui donc...

Князь. Mais c'est insupportable!

Княгиня. En bien.. Начнемте, М-г Иваншннъ... Не угодно-ли?

З. З. Это чрезвычайно любопытно.

Иваншннъ (Съ тетрадкою). Я намъренъ... Я хочу вамъ объяснить, братцы, о необходимости сближенія васъ, простого народа, съ нами, съ мыслящимъ классомъ общества...

З. З. Не то.. Воля ваша.. Тутъ въ нашихъ словахъ есть, вы замѣтите, маленькая фальшь...

Иваншннъ. Но позвольте. Вѣдь это одинаково... Или вы говорите, или позвольте мнѣ кончить...

Княгиня. Не перебивайте... Après vous pouvez vous dire... ваши возраженія.

Иваншннъ. Намъ нужно идти рука въ руку, жить одною, нераздѣльною жизнью. Вы представители основъ, на которыхъ только и можетъ создаться что либо прочное, вы почва, безъ которой все строящееся будетъ химера; все равно, что созданное зодчимъ на песокъ, оно будетъ недолговѣчно. Прочное движеніе впередъ, я говорю и буду говорить, обуславливается нашимъ обоюднымъ сближеніемъ. Ясно-ли я выражаюсь? Можетъ быть, вамъ не совсемъ понятно? А?

Старикъ. Это вся воля ваша. Наше дѣло: велѣли собратъся. Мы вотъ собрались.

Писарь. Экой ты чудакъ. Сила не въ этомъ, что собрались, а ты понимать долженъ, что къ чему говорится... Поймутъ, ваше высокородіе, это они такъ какъ. на первыхъ порахъ... Не вникли еще, значить.

Княгиня. Вы говорите откровенно... Понятно вамъ?

Иванъ. Правду сказать, маленько... въ толкъ не возьмемъ, ваше сіятельство.

Осяпъ. А ты ... посадили, такъ сиди... Чего тутъ еще... Свиди знай!

Иванъ. Да вѣдь спрашиваютъ.

Осяпъ. Мало что: спрашиваютъ!.. Стало такъ надо.

Ставровъ. Ну, вотъ подите съ нами. Да вы читайте знай... читайте.

Писарь. Вы извольте продолжать, ваше высокородіе. Тамъ видно будетъ... Они еще, не во гнѣвъ, маленько не опамятовались.

Князь. Молчи.

Княгиня. Continuez.

Иваншннъ. Я называю васъ почвою потому, что вы сохранили, напримеръ, пѣсню, понятія о владѣніи, напримеръ, сказки, вы сберегли завѣщанное вамъ наследіе отцами, дѣдами, а мы...

Княгиня. Il me semble, мнѣ кажется, для нихъ, дѣйствительно, темно немного... Какъ вы находите?

Иваншннъ. Я не знаю, что же тутъ особенно темнаго?

З. З. Я не скажу, чтобы темно... Это не темнота. Я говорилъ вамъ: нужно непременно, avant tout, сначала, voilà ce que je dis, необходимо, такъ сказать зондировать ихъ голову... Вотъ въ этомъ то все дѣло... Позвольте мнѣ, я пизъ скажу два слова... Я увѣренъ, они сейчасъ поймутъ меня. (Креститъ себя). Вы не стѣсняйтесь, друзья мои, вы останавливайте насъ, будьте на стражѣ, такъ сказать, караульте.

Старикъ. Караулъ у насъ исправный еженочь... И около дома ходимъ и вездѣ... Кто новче братцы? Чей чередъ-отъ.

Князь. C'est à ravir! Тебѣ, братецъ, говорятъ не о караулѣ; тебѣ говорятъ, что ты долженъ слова замѣчать... Непонятно, скажи. Вотъ въ какомъ смыслѣ это вамъ говорится.

Старикъ. Слушаемъ, ваше сіятельство.

Иванъ. (Въ полголоса, толкая старика). Говори. Что же ты?

Осяпъ. (Въ полголоса). Говорите, старики, говорите!

Старикъ. Мы, вотъ, хотѣли похлопотаться вашимъ сіятельствамъ на счетъ выгону да пастбища; они нами куплены, на мпрскія деньги... По нынѣшнему положенію, не переведете-ли ихъ на насъ.. Будьте отецъ родной!

Осяпъ и Иванъ. Сдѣлайте божескую милость, ваше сіятельство!

Князь. Какой тамъ выгонъ? Объ этомъ послѣ, братецъ... Вы видите, васъ пригласила княгиня побесѣдовать... О дѣлахъ послѣ.

Старикъ. Слушаемъ. Осмѣливаемся спросить, ваше сіятельство: на счетъ чего призвать изволпли? Мы въ толкъ этого взять не можемъ.

Княгиня. Ахъ, Боже мой!.. Да вы нѣдь разговариваете иногда между собою?

Старикъ. Да о чемъ намъ разговаривать. Объ этомъ разговорю не было.

Ставровъ. Везтолочь вы. Для бесѣды васъ пригвали.

Старикъ. Слушаемъ.

Ставровъ. Вѣдь ты бы все равно на печи лежалъ, а ты вотъ съ ихъ сіятельствами здѣсь говорщишь, пользу получаешь. Вы бы за честь должны считать это. Чувства въ васъ нѣтъ никакого; довольно тебѣ этого, что съ тобой разговариваютъ, съ мужикомъ.

Княгиня. Laissez donc.

Ставровъ. Да помилуйте, княгиня. Вѣдь это хоть кого взорветъ; объ нихъ же стараются, хлопчуть объ ихъ пользѣ, а они и тутъ еще ломаются. Это просто вѣдь неблагодарность. Вѣдь вотъ это что.

Писарь. Мы за счастье почитаемъ, ваше сіятельство, и довольно чувствуемъ, что вы для насъ дѣлаете эдакое благодѣніе. Это одна вхвляя необразованность, ваше сіятельство. Я такъ какъ грамотѣ знаю, даже въ приходскомъ училищѣ четыре мѣсяца... а въ конторѣ вашихъ сіятельствъ вотъ скоро четыре года безотлучно нахожусь, немножко это понять могу, что вы желаете образованіе дать вашему брату. Это мы должны за вашихъ сіятельствъ завсегда Бога молить, а не то что...

Князь. Я тебѣ говорю, молчи.

Старикъ. Благодарите. (Встаютъ). Много довольны, ваши сіятельства. Вогъ, рябатишекъ тоже учите... Это мы, много благодарны.

Княгиня. Мнѣ самой это доставляетъ удовольствіе, друзья мои. М-г Иваншннъ! Вы не кончили.

Иваншннъ. (Ощупываетъ карманы). Да, вообразите. Я, должно быть, потерялъ дорогой остальные листы, или забылъ дома... Чортъ знаетъ, кажется, положилъ въ карманъ... Не найду.

З. З. Позвольте мнѣ, княгиня, сказать имъ нѣсколько словъ...

Княгиня. Я полагаю, не довольно ли на первый разъ... Главное-начало сдѣлано. Я надѣюсь, вы ме-

ня посѣтите въ будущее воскресенье... Мы облизнемся—и скоро, я надѣюсь. Да? Не такъ ли?

Крестьяне. Много довольны, ваше сіятельство.

Княгиня. Прощайте. До свиданія. (*Уходитъ съ Иванчинымъ и З. З. Входитъ Пращуровъ, крестьяне кланяются*).

III.

Пращуровъ. Здравствуйте.

Старикъ. Мы все насчетъ землицы-то, ваше сіятельство... Будьте отцы родные!

Ставровъ. Одна у нихъ пѣсня... Это вотъ понимаютъ. Вамъ не объ землѣ, вамъ объ образопави, вотъ объ чемъ вамъ надо думать... Нонче, куда ты, вотъ, безъ грамоты-то родень?

Старикъ. Это точно.

Князь. Вильгельмъ Карловичъ, *regardez, je vous en prie*...

Вюрцманъ. Я говорилъ съ вами, князь... Они требуютъ невозможнаго...

Пращуровъ. Это почему?

Вюрцманъ. Да потому что имѣнье безъ этихъ земель потеряетъ почти всякую цѣну.

Князь. *Mais laissez, s'il vous plait*. Ты ничего не понимаешь. Предоставь это Вильгельму Карловичу.

Пращ. Нѣтъ, это любопытно, дялюшка. (*Вюрцману*). Потрудитесь мнѣ рассказать, какъ было дѣло. Проидемте по саду... (*Уходитъ съ Вюрцманомъ*).

Князь. Объ этомъ переговорите съ Вильгельмомъ Карловичемъ... (*Исарю*) А ты, братецъ... Какъ тебя? Поди сюда. Ты въ другой разъ не мѣшайся, когда тебя не спрашиваютъ. Спросятъ, отвѣтъ; а не перебивай... Это невѣжливо. Понимаешь?

Писарь. Понимаю, ваше сіятельство. Это не отъ грубости, осмѣлюсь доложить я, ваше сіятельство... Это больше, такъ какъ по молодости лѣтъ моихъ я въ разумѣ совершенный еще не возмолъ... Въ этомъ ужъ вы меня...

Князь. Ну, то-то же... Пойдемте. (*Ставровъ и князь уходятъ*).

IV.

Иванъ. Что, совсѣмъ, что-ли, братцы, алл еще что будетъ?

Старикъ. Да, надоть, совсѣмъ.. Что такая завещъ? Какія таки бесѣды, я все думаю.

Писарь. Какъ это ты человекъ старый, Епстафій Иванычъ, а въ понятие себѣ взять не можешь. Для вашей пользы это дѣлается.

Старикъ. Да какая тутъ польза? Не вижу я.

Писарь. Какъ же не польза. Вотъ примѣрно... (*Крестьяне становятся вокругъ него*) Я человекъ грамотный, ученый, ты безграмотный...

Старикъ. Такъ.

Писарь. Я сейчасъ въ книгѣ, что вы на есть, прочталь.

Старикъ. Ну.

Писарь. Взялъ я мало-мальски въ понятие это самое, алл нѣтъ? Какъ по твоему?

Старикъ. Да кто тебя знаетъ? Какъ чать?

Писарь. Вотъ я тепереча, значитъ, эту самую

вещь въ разумъ взялъ, какую, значитъ, она силу имѣетъ, и къ чему, что идетъ; тепереча есть всякая наука, что до чего надлежитъ, хошь бы тепереча пзять о звѣрхъ, алл вотъ опять звѣзды—которая звѣзда куда слѣдуетъ.

Старикъ. Такъ.

Иванъ. Это, стало, звѣздочеству, что ли?

Писарь. Стало быть, я тепереча знаюшій. Могу я тебѣ, алл потъ ему преподавать это самое?

Одинъ изъ крестьянъ. Братцы, дѣды! Подемте въ харчепню.

Старикъ. Погоди. Что преподавать-то?

Писарь. Мало ли что? Я примѣромъ возьму: какъ ребятешекъ грамотѣ учать? Видаль?

Старикъ. Когда не видать? Видаль. Сѣкутъ.

Писарь. Да я не объ этомъ, голова ты съ мозгомъ... Какъ ему азы-то, показываютъ?

Старикъ. Такъ ты такъ и толкуй, грамотѣ, стало, учить хотять. Я семой десятокъ живу вотъ безъ грамоты. Такъ ужъ она мнѣ, что мертвому ладонь, твоя грамота то.

Писарь. (*Машетъ рукой*). Съ тобой, братъ, толковать, все одно, воду толочь.

Старикъ. Какъ-то полоумные, прости Господи. Семидесятилѣтнихъ грамотѣ!... Заучили ихъ тамъ что ли?

Осипъ (*слѣтает*). Вотъ когда напасть то пришла. Что, дѣды, попался! Садись братъ, за букварь; нечего шататься то. Пора, къ пономарю отдадимъ его, братцы. (*Всѣ слѣются*).

Одинъ изъ крестьянъ. Я думаль хотъ пинца поднесутъ по стакачкю: и того нѣтъ.

Писарь. Васъ хотять разуму учить, а вы смѣтесь.

Старикъ. Да какой тутъ разумъ? Это и послѣдняго то разума лишпшсь... Бесѣды ихъ какія-то! Чего сроду не бывало.

Иванъ. Нѣтъ, мнѣ: что такое этоть съ крыльца то, потъ въ поддевки-то который, говорплъ, разскажи ты...

Писарь. Полштофа ратафи ставишь? Разскажу.

Осипъ. Разсказывай; ставлю.

Писарь. Подемте. (*Уходятъ*).

Старикъ. Думали тѣсто,—авъ пустое мѣсто. Я вижу нечего имъ дѣлать-то. (*Уходитъ*).

Н. Чаевъ.

РЕКЛАМА И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ

(Статья Эммы Горлакеръ*).

Если бы кто-нибудь сталъ отъ насъ требовать и ожидать точнаго и пѣрваго опредѣленія значенія и происхожденія слова *реклама*, тотъ, къ сожалѣнію, не могъ бы быть удовлетворенъ нашею статьею. Мы не считаемъ себя на столько сплѣшми въ филологіи, чтобы дать желаемое объясненіе и отсы-

* Deutsche Schaubuehne 1866. IV и V.

лаемъ любознательнаго читателя къ людямъ ученымъ, которые, вѣроятно, съумѣютъ удовлетворить его пылливость. Мы никогда не задавали себѣ вопроса, какъ и когда, откуда и какимъ образомъ явилось слово *реклама*. Обязано ли оно своимъ происхожденіемъ французскому глаголу «*геслажес*» (звать, вызывать) или латинскому «*clamare*» (громко звать, кричать)—мы не знаемъ; но, по нашему крайнему и, быть можетъ, весьма ограбленному разумѣнію, а также и по современному общепринятому значенію этого слова, мы, не задумываясь, привисываемъ происхожденіе слова *реклама* скорѣе латинскому, чѣмъ французскому языку. Мы даже думаемъ, что слово *clamare* (кричать) и производное отъ него *reclama* (крикъ) слишкомъ мягко для выраженія и объясненія современнаго слова *реклама*. Къ нему болѣе подходило бы выраженіе: *громко и настойчиво звать, навязывать*, такъ какъ возгласы и хвалы (необходимыя принадлежности почти всякой рекламы) очень смахиваютъ на тѣ крики и зазывы, которыми вась осыпаютъ торговцы на рынкѣ, въ базарный день.

Что какой-нибудь шарлатанъ или паяцъ прибѣгаетъ, для большаго успѣха, къ помощи рекламы—это повитно и, если хотите, даже, пожалуй, простиительно. Мы готовы даже въ извѣстной степени допустить и взвнннть, что большинство торговцевъ тоже не прочь пустить въ ходъ рекламу; но какъ, скажите, оставаться равнодушнымъ къ тому явленію, когда творцами и вродовниками рекламы дѣлаются художники и писатели, люди, которые считаютъ себя представителями всего высокаго и прекраснаго? Грустно сказать, а между тѣмъ приходится сознаться, что именно этимъ то людямъ мы обязаны тѣмъ, что въ наше время рекламы имѣютъ такое громадное, безпримѣрное развитіе. Правда, мы еще не дошли до полной безцеремонности; мы еще не достигли того, чтобы вести торговлю рекламами, какъ это въ обычаѣ—въ Римѣ, гдѣ въ журналистикѣ образовалось нѣчто въ родѣ таксы на похвальные отзывы и рекламы. Но вѣдь и наши журнальные *обманы любезностей* весьма смахиваютъ на *львовою торгъ*; вѣдь эти рекламы стоятъ тѣхъ и вся разница только въ формѣ. Мы готовы даже прибавить, что грубая, назойливая манера первыхъ не можетъ имѣть такого вреднаго вліянія на дѣло литературы и искусства, и въ нравственномъ отношеніи наши рекламы стоятъ ничѣмъ не выше покупныхъ.

И между тѣмъ, есть ли возможность писателю, въ особенности начинающему, удержаться отъ искушенія? Соблазнъ является такъ заманчивымъ, въ такомъ невнятномъ вѣдѣ, въ такомъ хорошемъ свѣтѣ, что пройдетъ много, много времени, прежде чѣмъ неопытный новпчекъ увидитъ въ чемъ суть.

Господину NN. напримѣръ, очень хотѣлось бы, чтобы господинъ X. расхвалилъ его произведенія. Какъ быть, что дѣлать для того, чтобы достигнуть желаемаго отзыва? Вотъ г. NN. и поднимается на хитрости, а именно, прежде выпуска въ свѣтъ своего сочиненія, онъ пишетъ рецензію о послѣднемъ произведеніи вышерѣченнаго г. X. въ которой расхваливаетъ г. X. до небесъ. Сердце г. X. такъ

нечаянно пожалованнаго въ Геніи, не полняется признательностью къ *пристрастному цн.ителю*, т. е. автору рецензіи. Вслѣдъ за тѣмъ выступаетъ на литературную арену и г. NN. съ своимъ произведеніемъ; теперь првходитъ очередь г. X. писать разборъ. Ему кажется произведеніе это рѣшительнымъ вздоромъ, или, по малой мѣрѣ, нестоящимъ никакого, сколько-нибудь серьезнаго вниманія. Но какъ рѣшиться высказать это мнѣніе? Идѣ это было бы вопіющею неблагоздрностью относительно мнѣлаго, внимательнаго г. NN. который такъ хорошо отнесся къ его, г-на X, произведенію. Положимъ, думаетъ X., эта похвала, со стороны NN. была только *справедливою* данью моему таланту, но все же *благодарность* заставляетъ меня, съ моей стороны, посписходптельнѣе отнестись къ произведенію NN. Попробуйте-ка, убѣдите г. X, что поступокъ его съ NN. несправедливъ, что, въданномъ случаѣ, мѣсто слова: *благодарность*, гораздо болѣе было бы на мѣстѣ слово: *возмездіе, отплата*. И вотъ, вслѣдствіе ложнаго пониманія простыхъ словъ и вещей, появляется статья г. X., въ которой восхваляется талантъ г. NN. и его произведеніе возводится на степень образцоваго. Хорошо еще, если г. X. хоть сколько нибудь еще не совсѣмъ потерялъ оувѣсть; тогда, по крайней мѣрѣ, онъ съумѣетъ похвалить въ мѣру, высказать только лично свое мнѣніе, не возьметъ на себя смѣлости выставать себя авторитетомъ, или, говоря другими словами, предоставить всякому разбирать и порпцать произведеніе г. NN.

Конечно, мы далеки отъ того, чтобы сказать, будто между художниками и писателями нѣтъ исключеній, нѣтъ честныхъ и благородныхъ дѣятелей. Но даже и эти немногія исключенія, коль скоро остаются только индифферентными зрителями этихъ злоупотребленій, уже однимъ этимъ дѣлаются потворщиками, людьми причастными современному безчынству въ литературѣ. Положимъ, намъ отвѣтять, что слова этихъ немпогихъ исключеній будутъ сначала гласомъ вопіющаго въ пустыняѣ, что сравнительно ихъ слишкомъ мало, что это капля въ морѣ; по вѣдь капля воды долбитъ камень. При томъ же оонованіе, на которомъ держится это безчынство, слишкомъ шатко для того, чтобы не уступить дружнымъ успліямъ даже какихъ-нибудь двухъ, трехъ честныхъ дѣятелей. Уничтоженіе этихъ безпорядковъ тѣмъ легче въ настоящее время, что сами творцы и поборники ихъ, сами того не замѣчая, способствуютъ тому. Они перешли всякую мѣру и границу, истощились въ выдумкахъ и скоро принуждены будутъ дойти до убѣжденія, что дальше идти некуда. Современная публика находится въ положеніи людей, употребляющихъ опиумъ, которые, какъ извѣстно, принимаютъ его въ началѣ въ весьма малыхъ дозахъ, но потомъ должны постоянно увеличивать приемы. Опіумъ сначала дѣйствуетъ весьма сильно и раздражительно, но въ концѣ концовъ челоувѣкъ и къ нему остается нечувствительнымъ. Творцы современныхъ рекламъ приходятъ въ ужасъ; они видятъ, что публика остается почти равнодушной, что она, если можно такъ выразиться, вріѣлась къ этимъ припостямъ. Всѣ фразы, всѣ восклицанія ко-

торья въ былыя времена считались блестящими, сильными, неотразимыми, не привлекаютъ теперь ничего вниманія. Хвалебныя слова, въ родѣ: *даровитая натура, остроумное перо* и т. п. уже велись; они слишкомъ слабы, слишкомъ невыразительны. Теперь въ ходу болѣе сильныя выраженія, какъ напр. *звѣзда первой величины, вдохновенный жрецъ искусства, гениальныя искры вдохновенія* и т. п. Отъ великаго до смѣшнаго, какъ извѣстно, одинъ шагъ. Никогда и ни къ чему, какъ намъ кажется, это изрѣченіе не было такъ примѣнимо, какъ къ подобнымъ пустымъ, напыщеннымъ фразамъ и восклицаніямъ. Все на свѣтѣ разбивается и растетъ; скоро, вѣроятно, и эти фразы и слова, въ свою очередь, покажутся не довольно сильными и выразительными. Авторы рекламъ, вѣроятно, не задумаются превратить *звѣзды въ солнца, жрецовъ въ боговъ и богинь, а искры, конечно, уже разрастутся въ цѣлое пламя*. Да что пламя! Я думаю *искры* скоро превратятся въ настоящій пожаръ. Лессингъ говоритъ, что даже относительно величайшаго таланта и даже генія восхищеніе и удивленіе должны идти рука объ руку съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ. А вотъ современные писатели и рецензенты и думать забыли объ этомъ.

Впрочемъ, неужели истинный художникъ, въ груди котораго дѣйствительно таится священный огонь, способенъ радоваться и придавать какое либо серьезное значеніе льстивымъ отзывамъ подобныхъ рецензентовъ? Неужели его честныя инстинкты не возмутятся, при чтеніи такихъ неумѣренныхъ, избитыхъ похвалъ? Очевъ можетъ быть, что въ первую минуту его самолюбіе, страшно польщенное, и заставитъ его сердце невольно встрепенуться отъ радости; но развѣ потомъ, когда онъ серьезно подумаетъ о прочитанномъ, ему самому не сдѣлается стыдно и досадно и за автора этого отзыва и за свой минутный порывъ радости? Если же самолюбіе художника такъ велико и такъ ложно направлено, что онъ не сдумаетъ отнестись трезво къ подобнымъ рецензіямъ, то какая тяжкая, страшная отвѣтственность падаетъ на автора этихъ хвалебныхъ рекламъ! Вѣдь если художникъ приметъ хоть сотую долю этихъ похвалъ за чистую монету, то его будущность, его стремленіе идти впередъ, его желаніе совершенствоваться и развиваться окончателно погнбли. Его слухъ, ласкаемый лестію и похвалами, сдѣлается неспособнымъ къ воспріятію дѣльныхъ, добрыхъ совѣтовъ; онъ опочіетъ на лаврахъ, и тогда прости его честная, полезная дѣятельность, а также и довѣріе и любовь къ нему публики! А, говоря правду, не права ли будетъ публика? Какъ она можетъ вѣрять печатнымъ отзывамъ, коль скоро, на глазахъ ея, артистъ падаетъ все ниже и ниже, а между тѣмъ творцы рекламъ не устаютъ осыпать его самыми преувеличенными похвалами? Да наконецъ въ глазахъ самого виновника этихъ похвалъ не теряются ли въ концѣ концовъ похвалы эти всякое значеніе? Не придетъ ли опъ къ тому заключенію, что всѣ эти хвалебныя гвмны, такъ нравившіяся ему сначала, вслѣдствіе безпрестаннаго повторенія, совершенно утомляютъ читателей, стаповятся для нихъ невыноси-

мо противными и этимъ самымъ охлаждаютъ ихъ вниманіе и любовь къ самому восхваляемому лицу? Да, господа авторы современныхъ рекламъ поставили себя относительно публики въ положеніе того пастуха, въ извѣстной баснѣ, который постоянно лгалъ, пугалъ и сзывалъ пародъ, крпча, что волкъ ворвался въ его стадо, и когда наконецъ волкъ дѣйствительно сталъ дунить его овецъ, а потомъ и его самого, то, не смотря на всѣ его крики, никто не пришелъ, на его зовъ, не желая снова вдатся въ обманъ. Да, скоро и наши рецензенты дождутся того же; скоро и имъ тоже на слово никто не повѣритъ. И это преемники тѣхъ людей, при которыхъ Шиллеръ сказалъ, что онъ *держитъ въ рукахъ своихъ достоинство челоовчества*. Но какъ ни прикрывайся вѣкогда почетнымъ званіемъ писателя, какъ ни извертывайся,—ложь всегда останется ложью и изъ лести и хвастовства ничего хорошаго образоваться не можетъ.

Намъ, пожалуй, возразить, что тутъ вина лежитъ не столько въ современныхъ писателяхъ, сколько вообще въ самомъ духѣ нашего времени; что теперь нѣтъ возможности обойтись безъ рекламы, что безъ настойчиваго приглашенія *обратить вниманіе* нашу публику ни чѣмъ и не привлечешь. На это мы предложимъ вопросъ: что такое духъ нашего времени и кто его создаетъ? Что такое вообще общество и кто его составляетъ? Развѣ это не есть соединеніе извѣстныхъ единицъ? Развѣ отдѣльныя: *я, ты, онъ*, вмѣстѣ взятые, не суть общество? Да, наконецъ, развѣ люди, взявшіе на себя обязанность руководить массою, должны подчиниться ея прихотямъ? Развѣ они не должны стоять во главѣ, показывать собою хорошій примѣръ, а не потворствовать развитію дурнаго вкуса и привычекъ? Полноте! Если бы нашлись изъ числа нашихъ общественныхъ дѣятелей люди на столько энергичные и истинно преданные своему дѣлу, они сдумали и могли бы прекратить всѣ эти безчынства и остановить это ложное направленіе.

Намъ, пожалуй, замѣтить, что врядъ ли и сами артисты захотѣли бы подвергаться слишкомъ строгимъ разборамъ, что они такъ привыкли къ похваламъ, такъ избалованы ими, что суровыя слова и беспощадная правда пришлись бы имъ не совсѣмъ по вкусу. На это мы отвѣтимъ, что высказывать подобное мнѣніе объ артистахъ вообще крайне оскорбительно для послѣднихъ. Мы не споримъ, что въ частностяхъ бываютъ и между артистами подобныя личностн, но вѣдь исключенія не составляютъ правила. Что касается до этихъ *исключеній*, томы по совѣтовали бы артистамъ почаще читать и даже вытвердить наизусть то, что говорятъ объ этомъ Лессингъ, въ своей *Драматургии*: «Лучшая похвала, которую я могу сдѣлать артисту того или другаго пола, это—то, что онъ далекъ отъ пустѣйшей, мелочной раздражительности, что онъ не поддается льстивымъ словамъ, что искусство, которому онъ служитъ, стоитъ у него выше всего, что онъ охотно отлааетъ себя на судъ общественный и готовъ скорѣе выслушать несправедливое и даже подъ часъ несправедливое замѣчаніе, чѣмъ пожелать совершенно избавиться отъ замѣчаній критики. Истинный ху-

дожникъ только тогда убѣждается, что мы можемъ воплѣтить и понимать его совершенство, когда видимъ, что мы не закрываемъ ни нашихъ глазъ, ни нашего чувства передъ его слабостями. Онъ смѣется въ душѣ надъ безмѣрными восторгамъ и цѣнить похвалу только того человѣка, отъ котораго можетъ ожидать и справедливаго порицанія».

Кажется, нечего прибавлять къ этимъ словамъ. Намъ только невольно приходится па мысль вопросъ: какимъ образомъ въ ту именно эпоху, когда литература чуждалась строгихъ критическихъ разборовъ, когда она, такъ сказать, покоилась въ своемъ самообожаніи, могъ явиться Лессингъ, и какою громадною сплою таланта и энергіи нужно было обладать, чтобы дать такой толчекъ искусству и возвести дѣло истинной критики на такую высокую степенъ?

Конечно, не всякій вѣкъ можетъ похвастаться своимъ Лессингомъ; но во всякое время выдѣляются люди, которымъ судьба предназначаетъ быть руководителями толпы и блюсти святое дѣло искусства; люди, которые хотя и не могутъ считаться гевіями первой величины, но, по крайней мѣрѣ, обладаютъ достаточною долею силы и энергіи, чтобы, подобно Лессингу, мужественно и честно хвалить и порицать. Мы увѣрены, мы знаемъ, что въ наше время есть такія свѣтлыя личности и желаемъ только одного, чтобы число ихъ постоянно увеличивалось. И если черезъ исполненіе этого желанія намъ первымъ придется испытать всю суровость и горечь истинной критики, мы все таки не изменимъ нашего горячаго желанія. Пусть посылаются удары на нашу бѣдную голову; мы охотно преклонимъ ее, лишь бы могли вѣровать и надѣяться, что серьезные честныя статьи и разборы положатъ конецъ существующимъ безчинствамъ въ дѣлѣ критики и съумѣютъ возстановить истинное уваженіе къ дѣлу искусства.

Не увлекайтесь же вы, артисты и художники, служащіе святому дѣлу искусства, не радуйтесь слишкомъ громкимъ и щедро рассылаемымъ похваламъ! Вѣрьте, что подобныя похвалы, нѣсколько не возвышаютъ васъ въ глазахъ людей, понимающихъ дѣло, а только вредятъ вамъ и унижаютъ васъ! Благодарите, напротивъ, тѣхъ людей, которые прямо и добросовѣстно, помимо всякой личной вражды, рѣшаются прямо указывать вамъ на ваши погрѣшности, заставляютъ васъ думать, работать надъ ними и тѣмъ самымъ даютъ возможность вашему таланту все болѣе и болѣе развиваться и выступать во всемъ его блескѣ и силѣ! Похвалы, даже такія, которыми награждаютъ васъ авторы современныхъ рекламъ, можетъ быть, и придаютъ вамъ энергію и силу, но эта энергія и сила только кажущіяся: чѣмъ сильнѣе и ненормальнѣе усиліе, тѣмъ скорѣе оно ослабѣваетъ. Чѣмъ незрѣлѣе плодъ срывается съ дерева, тѣмъ легче онъ портится. Помните, что и самый лавровый вѣнокъ, произвольно и незаслуженно надѣтый, скоро вянетъ; только лавры, истинно заслуженныя и возложенныя на васъ рукою неподкупнаго и строгаго судьи, будутъ невьядаемы.

Съ нѣм. Е. Ч.

Исполняя обѣщаніе, беремъ изъ вѣмецкаго театрального журнала эту статью, такъ энергически направленную противъ рекламы, и думаемъ, что она будетъ не лишнею и въ русскомъ театральномъ изданіи. Мы не сомнѣваемся, что у насъ реклама никогда не можетъ имѣть того значенія, какое она имѣла (хотя едвали уже придетъ въ настоящее время) въ западной Европѣ; попытки прivity рекламу въ русской журналистикѣ слишкомъ тщедушны, слабы и ничтожны; но тѣмъ не менѣе эти попытки существуютъ и заслуживаютъ всякаго оужденія и преслѣдованія, тѣмъ болѣе, что онѣ, при всей ихъ неблаговидности, служатъ не только не въ пользу, но положительно во вредъ тѣмъ артистамъ, которые рѣшаются у насъ прибѣгать къ ихъ помощи. Рекламы, являющіяся время отъ времени въ нѣкихъ русскихъ газетахъ, вовсе не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ публики и только компрометируютъ въ ея глазахъ артистовъ, въ пользу которыхъ составляются, такъ какъ публикѣ очень хорошо извѣстно, что подобнаго рода предварительныя хвалебныя статьи могутъ являться въ печати не иначе, какъ только съ вѣдома и по желанію самихъ этихъ артистовъ, прибѣгающихъ такимъ образомъ къ самому недостойному средству, заранѣе роняющему ихъ въ глазахъ большинства. Всякій, истинно создающій свои силы артистъ, считающій только па свое искусство и дорожающій честию своего имени, непосредственностью своей славы, не можетъ потерпѣть непрошенной рекламы и долженъ отозваться на нее негодующимъ протестомъ. Не артистомъ, а газромъ долженъ, по справедливости, назваться артистъ, добывающійся рекламы. Къ сожалѣнію, не можемъ при этомъ не замѣтить, что реклама находитъ себѣ пріютъ всего болѣе въ московской журналистикѣ; въ петербургскихъ газетахъ рекламы почти вовсе не встрѣчаются; въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, напр., даже рекламы *Розанн Простъ* являются затерянными въ массѣ объявленій, а не на особо отведенномъ для нихъ мѣстѣ, какъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Чѣмъ почтѣннѣе и серьезнѣе эта послѣдняя газета, тѣмъ болѣе удивляемся, встрѣчая безпрестанно на ластахъ ея рекламъ всякаго рода. Рѣдкій бенефисъ, напр., проходитъ у насъ безъ того, чтобы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ ему не была предпослана статья въ 20, въ 30 строчекъ. Статейки эти служатъ только очепь не хитрою вариациею афиши и ничего не говорятъ, да и ничего не могутъ сказать публикѣ, потому что господа, составляющіе ихъ, обыкновенно не имѣютъ никакаго понятія о томъ, о чемъ предваряютъ печатно, и самое извращенное понятіе имѣютъ о значеніи печатнаго слова. Нѣтъ червя, который бы такъ разрушительно подтачивалъ въ самомъ корнѣ всякое дѣло, а тѣмъ болѣе дѣло искусства, какъ реклама; нѣтъ насмѣшки, нѣтъ порицанія, которыхъ не были бы достойны сѣятеля рекламъ. Мы увѣрены, впрочемъ, что у насъ этотъ посѣвъ никогда не приметъ въ сѣмена сѣятелей расточаются всуе, ибо падаютъ на каменистую почву и, не углубляясь въ нѣдра ея, слухаются и разнесаются вѣтромъ. Ред.

С М Ъ С Ь.

— Газета «*Moniteur Universel*» извѣщаетъ, что Верди прѣхалъ 14 июля въ Парижъ и привезъ совершенно оконченную партыцію своей новой оперы *Донъ-Карлосъ*, которая была ужъ разыграна опернымъ оркестромъ на домашнемъ вечерѣ у одного богатаго негодянта. Судя по отзывамъ рецензента этой газеты, прежній Верди будто бы неизнаваемъ въ этой оперѣ. За похвалу или порицаніе слѣдуетъ принять подобный отзывъ,—рецензентъ не взялъ на себя труда объяснить.

— Заимствуемъ изъ Варшавскаго Дневника слѣдующія свѣдѣнія о числѣ провинціальныхъ театровъ въ царствѣ Польскомъ: «Въ настоящее время въ царствѣ Польскомъ существуетъ *шесть* провинціальныхъ театровъ, а именно: въ Калнѣ—драматическое общество, подъ дирекціею г. Гавецкаго; прибывшее туда изъ Влоцлавка; въ Ченстоховѣ—труппа г. Оконскаго, бывшая прежде въ Кельцахъ, въ Ловичѣ—г. Модзолевскаго; въ Свльцахъ—г. Радкевича, прѣхавшая изъ Ломжи (прежде его труппа давала представленія въ Люблинѣ и Радомѣ); въ Крывицѣ, на минеральныхъ водахъ, въ прошломъ году гостила труппа г. Сулицковскаго изъ Галиціи, нынѣ переѣхавшая въ г. Лодзь; въ Люблинѣ вновь устроенъ театръ варшавскимъ драматическимъ артистомъ, г. Трапшо.

— Недавно, въ Лондонѣ, въ одномъ концертѣ, пѣла *Женни Линдъ*. Сначала зрители съ уваженіемъ слушали знаменитую пѣвицу; въ серединѣ же концерта въ публикѣ послышались краснорѣчивыя заявленія неудовольствія, а въ концѣ концерта знаменитаго *Шведскаго солдана* ошкарли такъ нецеремонно, что ему пришлось *спрыгнуть* съ эстрады, не докончивъ даже своей трели.

Газета «*Progrès de Lyon*» сообщаетъ объ убійствѣ въ Греціи извѣстнаго содержателя цирка, Сулье, и части его труппы. Годъ тому назадъ Сулье давалъ представленіе въ одномъ изъ городовъ Греціи. Сладострастные позы нафздицы до такой степени воспламенили потомковъ эллиновъ, что, не говоря ни слова, они бросились на женскую часть труппы, какъ римляне на саблянокъ,—избили въсколькихъ берейторовъ, даже убили одну изъ женщинъ, а другую, самую красивую, похитили и увели съ собой въ горы. Французскій консулъ, ислѣдствіе подавннй Сулье жалобы, добился того, что власти выискали съ виновныхъ, въ пользу содержателя цирка, *двадцать пять тысячъ франковъ*. Недавно Сулье снова вернулся въ этотъ городъ и наміревался дать въсколько представленій. Едва только разнесены были по городу афиши, какъ цѣлыя сотни разъяренныхъ грековъ, воплатившихся за прошлогоднюю свою демонстрацію, окружили гостиницу, въ которой онъ остановился вмѣстѣ съ артистами своей труппы, разломали двери и перерѣзали всѣхъ, кто попалъ подъ руку; только въкоторые изъ артистовъ успѣли спастись, выскочивъ въ окна. Самъ Сулье, спрятавшійся въ самомъ началѣ нападенія въ погребѣ гостиницы, былъ найденъ двумя страшннмъ озлобленными на него греками (бывшими обладателями красивой нафздицы). Вытащивъ Сулье на дворъ и желая прежде натѣшиться его страданіями, эти изверги сперва прокололи ему кнжалами обѣ ладони и ступни ногъ, потомъ обрубили уши и навесли въ грудь пятнадцать ранъ, изъ которыхъ ни одна не была смертельна, такъ что несчастный страдалецъ умеръ отъ истеченія крови. Французскимъ консуломъ приняты дѣятельныя мѣры къ отысканію всѣхъ виновныхъ въ такомъ злодѣйскомъ преступленіи; что же касается до мѣстныхъ властей, то онѣ всѣми силами только стараются затянуть эти разысканія, такъ какъ въ числѣ виновныхъ есть много лицъ, пользующихся значеніемъ въ городѣ. Къ сожалѣнію, имя этого города не обозначено въ газетѣ.

Ред. А. Баженоеъ. За изд. П. Смирноеъ. (Ред. на Молчновкѣ. въ Голенинскомъ пер., въ л. Дурновои).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ФЕЙЕРВЕРКИ

комнатные, садовые и полевые отъ 10 к. и дорожные,

ФОНАРИ

складные для освѣщенія дачъ отъ 5 к.,

ГИМНАСТИКА

для дѣтей и взрослыхъ отъ 1 р. до 20 р.,

КОЛЯСКИ

для дѣтей раз. цѣнъ и разные новые игрушки въ огромномъ выборѣ

въ депо игрушекъ ГУБКИНА

въ началѣ Газетнаго пер. противъ маг. Корещенко.

ПРОДАЕТСЯ

за весьма дешевую цѣну дорожный та-
раптасъ казанскій, за Большимъ Камен-
нымъ мостомъ, по Берсеневкѣ, на Казен-
помъ Вишномъ дворѣ, спросить дворника
Максима.

БОЛЬШОЕ БЛИСТАТЕЛЬНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ГУЛЯНЬЕ.

НА ДАЧѢ КНЯЗЯ МЕНЩИКОВА ВЪ ЧЕРЕМУШКАХЪ ИМѢЕТЬ БЫТЬ
ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 АВГУСТА.

Будетъ играть хоръ духовой музыки и ежедневно поетъ хоръ пѣвцовъ, съ участіемъ артиста Императорскаго Московскаго театра Г. НАДЕЖИНА (соло на скрипкѣ) съ аккомпаниментомъ фортепiano подъ управленіемъ АНДРЕЕВА. Садъ будетъ блистательно иллюминированъ въ новомъ вкусѣ.

ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ ВСЕГО НА ПРУДУ БУДЕТЪ СОЖЖЕНЪ

ФЕЙЕРВЕРКЪ,

ВЪ 4-хъ КАРТИНАХЪ СО ВЗРЫВАМИ И ОСВѢЩЕНІЕ ВСЕГО САДА
РАЗНОЦВѢТНЫМИ БЕНГАЛЬСКИМИ ОГНЯМИ.

Въ ономъ саду, при буфетѣ, можно получить чай, кофе, шоколадъ, кушанья и вина изъ разныхъ погребовъ; тутъ же принимаются заказы шикниковъ, на которыя должны явиться заблаговременно.

Для желающихъ кататься на водѣ имѣются шлюпки.

ВЪ СЛУЧАѢ НЕНАСТНОЙ ПОГОДЫ ГУЛЯНЬЕ ОТМѢНЯЕТСЯ.

ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО.

ПРИДВОРНЫЙ

ПОСТАВЩИКЪ.

На Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

ОБОИ

разныхъ сортовъ, самыхъ новыхъ отъ 20 коп. за кусокъ
и дороже; вновь получены клеенки для столовъ и половъ
и шторы. 7—25.